

Николай Шиганов: «Войдя в цех, я будто попал в фантастический фильм»

СТЕПАН ДАВИДЕНКО

27 января 1967 года СССР, США и Великобритания подписали Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела. Сейчас к договору, объявившему космос достоянием всего человечества, присоединилось более 100 стран. В памятную дату мы публикуем воспоминания доктора технических наук, профессора, ветерана войны и труда Николая Васильевича Шиганова, который, работая на ЦНИИмаше, был свидетелем становления российской и мировой космонавтики. Он вспоминал яркие эпизоды в освоении космоса и человека, в честь которого назван наш город.

— Я родился в Москве. После окончания МВТУ им. Н.Э. Баумана, как отличник, был зачислен в аспирантуру по специальности «Сварочное производство». Успешно её окончив и защитив диссертацию, я, молодой научный работник, был отправлен в НИИ-88 в подмосковный Калининград.

Я пришёл в НИИ-88, который только начинал свою работу. В институте было много ракетных конструкторских бюро, а многие специалисты побывали на производствах в Германии. Меня определили в лабораторию сварки, которая только создавалась и находилась в отделе материаловедения — одном из главных отделов НИИ. Я стал начальником группы автоматической сварки, которую только начали применять в Советском Союзе. Тогда всё делали в основ-

которые мы не видели в жизни. Можно было обалдеть от всей этой картины.

В это время в цех зашёл человек в шлеме, как у лётчиков, среднего роста, крепкого телосложения, со строгим взглядом. Он сразу прошёл в ту часть, где производилась сварка алюминиевых баков, не повышая голоса, но очень строго пообщался с начальником производства. Это был Сергей Павлович Королёв. Меня он, естественно, не заметил.

* * *

— Тогда в Союзе разработали способ автоматической сварки под слоем флюса. На рентгене выявлялись дефекты сварки, и приходилось их исправлять. Я занялся этой проблемой, и мне дали определённые полномочия. По моей просьбе закупили необходимое оборудование. Всё делалось моментально — заказанные детали, проволока нужных размеров, оборудование — буквально через несколько дней всё было у меня. Отдел кооперации работал как часы.

Я занялся внедрением автоматической сварки в одном из цехов НИИ. К тому времени я уже имел определённый авторитет — моя работа по вибрационной прочности стала первой научной работой во всём институте. Однажды к нам зашёл Королёв. Это было событие. Сергей Павлович обратился ко мне, я рассказал о своей работе. Встреча была мимолётной.

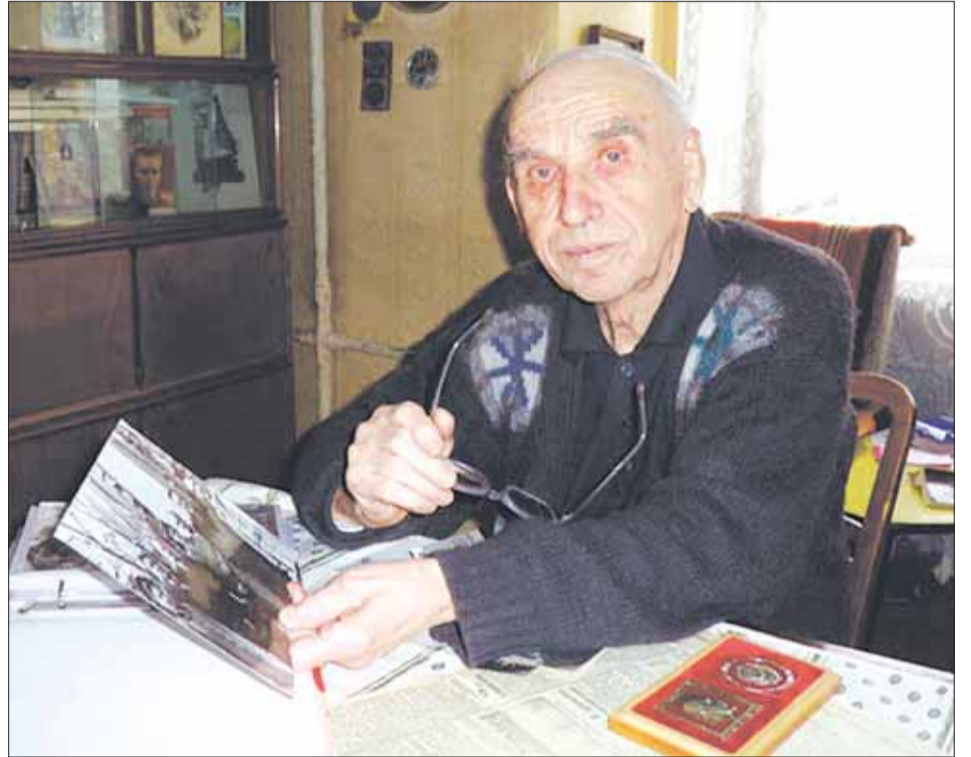
* * *

— Когда Сергей Павлович со своим КБ стали создавать собственные ракеты, потребовалось изготовление газовых баллонов высокого давления. Эти баллоны были в виде большой баранки и изготавливались из стали самой высокой прочности. Мне предстояло заняться их сваркой. Дело было очень серьёзным. Сначала баки делали

вручную, и они очень часто рвались при гидротестированиях в охлаждённом спирте. По инициативе Королёва мы стали осваивать автоматическую сварку и на этом производстве. Министерство промышленности открыло тему для работы, руководителем которой был я. Пришлось много трудиться. Сначала было сложно, а потом дело пошло. Так как я был начальником группы автоматической сварки, мы пересекались в работе. Сергей Павлович видел наши успехи, много со мной общался, полностью вникнул в работу и очень ценил наш отдел. Мы получали всё больше работы, и лаборатория переросла в отдел сварки.

* * *

— В 1952 году по указанию Иосифа Сталина меня срочно отправили в Днепрпетровск, в создаваемое КБ «Южное». Его возглавлял Михаил Кузьмич Янгель. Мы с ним очень дружили и часто вместе обедали. Но я не хотел ехать, так как уже получил свою квартиру, жена устроилась на работу, а сын ходил в детский сад. Но меня включили в группу не случайно, и нужно было собираться. Моё начальство пошло навстречу, и жену с ребёнком оставили в квартире. Я больше года проработал в Днепрпет-

ровске, где жил в хорошей служебной квартире в доме с лифтом и мусоропроводом.

И вдруг меня вызывает главный инженер и говорит, что я срочно возвращаюсь в Калининград. Газовые баллоны стали снова лопаться, а Королёв помнил про меня и попросил в министерстве меня вернуть. Нужно было доработать метод сварки.

* * *

— Я жил на улице Циолковского. Однажды мне позвонили в дверь ночью. «Откройте, милиция». Я открыл. Милиционеры уточнили мои данные и попросили пройти с ними. Я испугался, что это может быть связано с каким-нибудь инцидентом на заводе, который случился в моё отсутствие. Семья думала, что меня арестовывают. Меня привезли в милицию, задали несколько вопросов. А потом наконец-то рассказали, что в городе орудует банда «Чёрная кошка». Милиция её искала, а напротив моих окон было общежитие, и там жили подозрительные люди, которые могли входить в банду. Моя квартира по-

водителем по разработке теплозащиты головных частей ракет.

Мы ничего не могли понять в этой работе. При входе в пространство поверхность ракеты разогревается до десяти тысяч градусов. Но в головке должно быть не больше 150 градусов. Почему назначили меня? Видимо, больше никого не нашли. Я даже не знал, с чего начать, тема была «белая». Я использовал свои знания и начал соображать. У меня собралась группа прочнистов, которые занимались этой проблемой. Мы нашли нужные материалы, привлекли специалистов из других институтов. Ребята из института стекловолокна ухватились за идею, и мы смогли получить покрытие, основанное на бакелитовой смоле и на кварцевых тканях. Смола при первичном нагреве переходила в графит, а графит прочно держал стекловолокно.

* * *

— На Байконуре произошла одна из самых запоминающихся встреч с Королёвым. Стояла ужасная жара. Я зашёл в офицерскую столовую, искал, что купить поесть. Смотрю, стоят китайские

Николай Шиганов и Вахтанг Вачнадзе. 1967 год.

ном с помощью ручной сварки. Во всей лаборатории только я был научным работником. Мы были первопроходцами.

* * *

— Впервые с Сергеем Павловичем Королёвым я встретился вот при каких обстоятельствах. Ракеты Фау-2, которые оказались в СССР как образец для начала собственного производства ракетной техники, привозили отдельными деталями. В ракетах использовали точечную сварку, и это было проблемой, так как Фау разрушались прямо на старте. Первую ракету Р-1 сделали идентичной Фау-2. И сварочные точки также разваливались. Мне поручили заняться изучением их прочности.

Так я попал в цех, где эту сварку делали. На производстве была очень большая секретность. Даже работая в НИИ и имея свою секретность, было сложно попасть в цех, где собирались ракеты. Мне пришлось брать дополнительный пропуск, разрешающий пройти туда. Войдя внутрь, я будто попал в фантастический фильм про инопланетян и покорение космических пространств. В углу огромного цеха стояли хвостовые части ракет, баки, оболочки, необычайные двигатели, окутанные трубопроводами,

Первомайская демонстрация (Николай Шиганов — второй слева). 1951 год.

надобилась милиции для оперативных целей. В ней оставили двух офицеров, чтобы наблюдать за входом в общежитие. Нашу семью отправили в Москву, где предоставили все условия для жизни. Через три дня мы вернулись домой. Операция прошла успешно, и преступников взяли. А мне милиционеры подали Уголовный кодекс.

* * *

— Ещё до разделения ЦНИИмаша и ОКБ-1 меня назначили научным руко-

персики в банках, засиженных мухами. Я попросил баночку, и продавщица даже удивилась, что их кто-то покупает. Ем персики, и тут в столовую зашёл Сергей Павлович. Он по-дружески меня поприветствовал, и мы стали разговаривать. Королёв увидел мои персики и попросил попробовать. Ему понравилось, и он купил себе банку. В это время вся столовая смотрела на нас. Через несколько минут офицеры раскупили все персики.